

Огромная пустошь простиралась куда глаза глядят; засыпанное снегом долина содержала лишь отдельные дюны, в поле зрения не было видно ни одной живой души. Одинокая гора сверкала посреди ночи, и Джоффри смог вдохнуть морозный воздух, словно физически находился здесь.

Температура падала.

Возле него виднелось чардрово, развращенное и изогнутое, почти погребенное под дюнами; молчаливый свидетель того, что сейчас произойдет. Тишина была жуткой, и он задрожал, прижимая Сансу к себе перед тем, что уже не было эхом; он чувствовал Пурпур прямо здесь, возле себя, пока холод, как слегка согревающее присутствие, которое доминировало над древесным гигантом; как мистическую руку, держащая это место.

Он осознал, что смотрит не на гору, а на хрустальный дворец, такой огромный, что его размер ошеломил юношу. Дворец был шире Эбеновой Головы, больше любого города Вестероса. Больше Волантиса, Браавоса, Лората, Инь и древнего Заметтара, вместе взятых.

Это был пустой купол с колоннами, достигавшими неба; мерцающая постройка сияла красным посреди белой пустоши, и он ощутил тяжелое присутствие цикла. Красная Комета находилась так далеко, что была невидима для невооруженного глаза, видимо невидима даже для телескопа Цитадели, но Джоффри мог чувствовать, как она проснулась.

Он мог ощущать ту ужасающую мощь, как она тянулась к этой замороженной земле из-за орбиты, отблескивая захватывающим кристаллическим узором прямо перед его глазами. Джоффри понял, что сейчас созерцает начало Первой войны За Рассвет; Цикл просыпался и что-то строил, ожидая прибытия Кометы, тысячи лет назад.

Каждая колонна, окружавшей пустой купол под ней, была толщиной как Королевская Гавань; промежутки между колоннами были такими же в ширину, и они формировали круг вокруг купола. Хрустальные колонны были увенчаны светом; словно рифы посреди моря энергии, которая выглядела как красное полярное сияние, спускаясь с небес.

Хрустальные опоры служили фиксированными парусами, чтобы ловить мощь удаленной кометы; красные линии, словно деформировали саму реальность, пронзали небеса, достигая огромного, вогнутого кратера, лежал на дне созданной постройки.

Больше, чем потустороннее зрелище, больше, чем тени, что мелькали вокруг... больше всего Джоффри на самом деле ошеломила тишина этого места. Тут песня исчезала, и тишина занимала ее место. Искренняя неправильность этого перехватывала дух, ведь этот храм вырос, чтобы прославлять не-существование; тихое стирание всего сущего.

Что есть реальность, когда в ней нет наблюдателя? Подумал он, разглядывая Хрустальный дворец. Юноша также мог чувствовать борьбу пурпура за собственное существование, ибо его узоры и фракталы врезались в Полярное сияние, растворяясь во мгле.

Цикл еще не набрал достаточно силы, чтобы уничтожить всю жизнь... но когда Красная Комета завершит свое долгое странствие, и ее прозорливый глаз уставится взглядом на далекий север, на этот молчаливый храм... тогда, Джоффри просто это знал, надежды уже не останется.

Он напряженно вдохнул воздух и задрожал, попытавшись встать на ноги. Юноша упал на бок, осознав, что держит руку Сансы вместо руки Надхаты. Он использовал свисающий корень как опору, качая головой, и попытался вспомнить, где он находится.

- Я чувствовала, как ваше присутствие растворяется, как вы становились очевидцами прошлых эпох, - сказала Надхата, в чьем голосе открыто слышался трепет,

- Что вы там увидели? - немедленно спросила она.

Санса болезненно сжала его ладонь, произнеся сдавленным голосом:

- То место, которое искали, - сказала она.

- Хрустальный дворец, - медленно проговорил Джоффри.

На Джале наступила зима. Мягкий снег падал на Эбеновую Голову, скапливаясь на крышах приподнятого города. Улицы стали почти безлюдными; редкие фигуры продвигались по переулкам к морю, неся мешки или ведя худых буйволов.

Средний по размерам Лебединый корабль ожидал в гавани, огромные паруса до сих пор были связаны на мачтах. Смешанная команда из островитян и различных остатков других обитателей летнего моря выходила из портовых амбаров, неся мешки с хлебом и фруктами, собирая остатки последнего урожая на острове.

- Вы двое уверены насчет этого? У нас хватает места и припасов на вас обоих, - сказал Герион, еще раз пробуя убедить их.

Джоффри лишь покачал головой:

- Здесь наш путь разделяется, дедушка. Несмотря на то, что Титос очень настаивал, - сказал он с улыбкой.

- Некоторые вещи никогда не меняются. Особенно когда речь идет о парнях и их мечях, - добавила Санса.

Герион фыркнул на то:

- Можно и так сказать, - сказал он Сансе, подмигнув, прежде чем обернуться к Джоффри:

- Он надоедал тебе так же, как я надоедал сэру Артуру Дейну в прошлом. Даже маленькая подсказка тогда стимулировала меня тренироваться часами во дворе... - он запнулся, бросив взгляд вниз на пирс,

- Слушай, я... Надхата не рассказала мне всего, прежде чем... - дед вздохнул, сжимая пальцами рукоятку меча.

Вчера Надхата провела свой Последний Ритуал, вместе с князем Дорролом Ксором и несколькими последними островитянами, что решили придерживаться обычаев Джали.

- Она была храброй и сильной женщиной, Герион. Любящей матерью и заботливым лидером, - сказала Санса, касаясь его плеча,

- Мы не забудем о ней.

Герион кивнул в благодарности за мгновение; глаза немного покраснели, когда взгляд вернулся от пирса.

- Она не объясняла всего, но намекнула, что вы двое попытаетесь исправить... это все, - проговорил он, махнув рукой сквозь падающий снег,

- Я могу остаться, как-то помочь вам...

- Дедушка, не нужно, - сказал Джоффри. Он не мог прекратить вспоминать о Тирионе в тот миг, как тот взошел на борт в Староместе, обрекая себя на путешествие в Валирию,

- Плыви на юг, присмотри своих детей, - продолжил юноша, протягивая руку,

- Живи долго.

Герион вздохнул, хватая предплечье юноши.

- И позаботься о том мече, - добавил он почти рассеянно. И обернулся к Сансе, взял ее ладонь и поцеловал, кланяясь:

- И вам счастливого пути, моя леди. Безопасного путешествия.

- Берегите себя, Герион. И позаботьтесь о ваших детях, об обоих прелестных сорванцах, - сказала Санса, беря его ладонь своими.

- Мои дети... - прошептал он, так словно у него что-то заболело на мгновение. Он еще собирался что-то сказать, когда кто-то позвал сзади.

- Лорд-Лебедь, мы готовы! - донесся крик с корабля.

Он еще раз вздохнул, овладевая собой:

- Они настаивают и дальше так меня звать, хотя мой князь умер, а его княжество распалось...

- Ты до сих пор их лидер, - сказал Джоффри, пересекаясь взглядом. Герион кивнул через мгновение, глубоко вдохнув.

- Им я и являюсь, как бы это безумно ни звучало сейчас. Прощай, внучек, и удачи, - сказал он, почтительно поклонившись, как один лорд к другому, прежде чем пойти к кораблю.

Джоффри и Санса помахали ему в ответ, когда Лебединое судно отплывало в море, на юго-восток до Соториоса и дальше на юг, в поисках мира и тепла. Огромные белые паруса придавали кораблю и впрямь птичий вид, когда он отбывал из небольшой гавани.

Санса вздохнула, опершись на плечо Джоффри; их ладони переплелись пальцами, пока они наблюдали исчезновение корабля за горизонтом. Она надеялась, что Надхата присоединится к команде, но долг жрицы не позволил ей поступать по-другому, кроме как выполнять свои обязанности до конца, и пожалуй даже еще более преданно, чем до этого.

Они проводили целые дни, общаясь с чардревом, узнавая о древних временах, когда Старки ездили верхом на лютоволках, и целые кланы исчезали бесследно; изучали рельеф дальнего севера, далеко за Ледяными Клыками, в глубинах Земли Вечной Зимы.

Они обсуждали это все долгими ночами: о скрытых, полузабытых частях пророчеств Летних Островов, что несли в себе проблеск надежды в форме Предсказателей, единственный проблеск надежды в общей фаталистичной религии островитян. Возможно... возможно в предстоящей войне она снова встретит Надхату. Но уже не сломленную, отчаявшуюся жрицу

Джалы, а того лидера с горящим желанием возмездия в сердце, озаренной надеждой.

Их странствующий дом был почти торжественным, в основном молчаливым, когда они проходили мимо заброшенных на произвол судьбы тропических садов. Сгнившие дыни, ананасы и манго засоряли все вокруг, но Санса несла в руках совсем другой фрукт; багряный, размером с грушу, испещрен желтыми жилками, что тянулись от макушки до низа.

Она задумчиво взглянула на плод:

- Что будет, если мы выиграем? - спросила она. Джоффри что-то буркнул, заинтересованно глядя в небо, пока они шагали. облака словно начинали расходиться, а ветер доносил определенный намек на тепло.

- Что если наш план... что если мы выиграем войну? Что, как мы как-то сможем пробиться сквозь Хрустальный дворец... как думаешь, что произойдет дальше?

- Все закончится, - произнес Джоффри с каменным выражением лица,

- Так или иначе, - он прошептал, прежде чем перевести взгляд с неба на землю.

Они молча шагали к своему дому, даже почти неохотно. Девушка почувствовала тревожное ощущение в грудной клетке, а живот появилась тяжесть, а после Санса дернула себя за волосы. А что, если они вернуться как в этой жизни?

Даже если им удастся вернуться в то утро через два дня после смерти Джона Аррена - то задача и так будет почти невыполнимой. Тщательно выверенный план между победой и поражением, гибелью и тотальной войной, семьей и правдой. Им понадобится весь авторитет и уважение, в таких масштабах, которых не имел ни один другой правитель. Им придется стать живыми легендами в глазах собственных подданных, чтобы вызванный ими восторг равнялся по силе ужасу Долгой Ночи.

Конечно же, Джоффри был прав.

Она чувствовала это в глубине души, так как и он.

Так или иначе, да все закончится.

Сегодня их совместный сон закончится, возможно в последний раз вообще. Она остановилась перед дверью, непривычно колеблясь, прежде чем осознала, что Джоффри остановился перед ней. Он застыл на пороге, глядя на кристально-чистое море.

Полуденное солнце обычно ежедневно отгоняло холод на несколько часов, почти возвращая остров к предыдущему, полному красок виду. Так случилось и сейчас, когда легкий снегопад временно прекратился и облака прорезались редкими проблесками солнечных лучей, так словно их раскрыл руками какой-то невероятный великан.

- Давай поплывем со мной, - сказал он внезапно, и его щеки порозовели, как юноша обернулся к ней. Санса почувствовала, как на ее губах начала расти улыбка, наблюдая нетерпеливый выражение ее мужа; все тревоги и переживания испарились за секунду, оставляя ее в странно приподнятом состоянии. Стально-зеленые глаза подмигнули, и юношеское лицо словно смогло отогнать тяжесть в ее животе, вызывая непривычное головокружение, так словно она снова становилась маленькой девочкой.

- Вместе, - ответила она с непрошеной улыбкой на устах.

Солнечный парил, преодолев очередную волну со взрывом пены. Катамаран казался похожим на птицу в полете, бело-эбеновый корпус ярко отблескивал под солнечными лучами. Один единственный парус имел вид, как будто вот-вот порвется, едва сдерживая ветер и разгоняя корабль до невероятной скорости; белая полоса над водой пересекала море грациозно и очень быстро.

- Очередная волна! Держись, Санса! – закричал Джоффри, наваливаясь всей массой тела на руль. Солнечный немедленно отреагировал, разворачиваясь к набегающей водной горе, прорываясь по ее гребню. Санса возмущенно проворчала, полностью взмокнув от морской воды; хвостики-косички приклеились к шее, ощущаясь словно куски выброшенных на берег водорослей.

Джоффри дико захохотал, держась за живот одной рукой, а другой - и дальше хватаясь за штурвал. Юноша снял рубашку, снова навалившись на руль, и мышцы вздулись от напряжения, укрощая кораблик, который петлял словно непослушный щенок.

- Подожди, пока вернемся к побережью, Джофф! Тогда уж будешь хохотать как взбалмошный!
- воскликнула она, вздрагивая в попытке сдержать монструозный взрыв хохота, уже зарождавшийся в ее животе, и держась крепко за натянутую веревку.

Джала продолжала растворяться сзади, однако девушка обнаружила, что ее это не беспокоит нисколько.

Джоффри построил Солнечный сам-один, от чертежей до постройки. Катамаран следовал традиционным строительным принципам Летних островов; по сути это был широкий плот, опиравшийся на два немалых аутригеров, со румпелем посередине, возле которого виднелась небольшая скамейка. Конечно же, юноша добавил собственные модификации, разрабатывая дизайн, почти как браавосский архитектор, который заранее планирует детали своего шедевра.

Внезапный порыв теплого ветра ударил по ним с правой стороны, и Санса бросилась к той стороне корабля, когда правый аутригер вынырнул из воды благодаря силе ветра, поднимая ее вверх. Она буркнула, откинувшись назад; лишь ногами находясь на собственном борту корабля и держась за веревку, привязанную к мачте, стараясь перевесить влияние ветра.

Джоффри сделал то же самое, и они улыбнулись как дураки, показывая все зубы, когда увидели друг друга, возвышаясь в воздухе, потому аутригер и дальше поднимался вверх, зависнув почти вертикально к плоскости моря, на какие-то несколько градусов от опрокидывания судна вверх дном. Джоффри закричал, когда Солнечный шлепнулся обратно в воду; сине-зеленые воды отражали тщательно полированный корпус, словно мирийское зеркало.

- У нас гости! – воскликнула Санса, указывая налево, где только что заметила сине-серые гребни, которые периодически выпрыгивали из воды. Это были видимо дельфины, которые выпрыгивали по двое или по трое за раз, сохраняя дистанцию с Солнечным, они пищали и трещали между собой, как старые женщины на рынке, озорно толкая друг друга. Санса улыбнулась, медленно моргнув, и направила одного из дельфинов прямо на Джоффри. Зверь перепрыгнул через корабль грациозным прыжком, легко пихнув юношу по голове пловцом.

- Эй! - закричал Джоффри, потирая щеку, и наградил Сансу осуждающим взглядом. Она вместо этого посмотрела на небо, невинно что-то прогудев, пока разглядывала белые облачка.

- Ладно! Давай покажем им, что такое настоящая скорость! - воскликнул Джоффри, становясь прямо возле румпеля, и потянул за веревку. Главный Парус открылся на полную, и Сансу аж отбросило назад от внезапного ускорения. Дельфины и до сих пор сохраняли дистанцию, словно издеваясь с юноши своими прыжками и непрерывным свистом.

- Санса! Высвободи тот Кливер! Мы сейчас полетим! - проревел он с широкой улыбкой. Санса засмеялась, пригнувшись под мачту, и проскользнула под ним, когда Солнечный прорезался сквозь очередную волну, забрызгав ее теплой соленой водой. Однако плащ из ярких перьев не пострадал, желтые и багровые перья развевались на ветру, когда она дотянулась носа судна. Девушка сморгнула соль с левого глаза, развязывая узел умелыми движениями.

- Держись, Джофф! - проревела она в ответ, когда ветер усилился, и ее волосы высвободились из косичек, развеваясь словно Красное знамя в руках разъяренного рыцаря. Она с силой потянула за канат и высвободила кливер во всей его красе; веревка затрещала от трения к древесине, заглушая остальные звуки в ушах. На малом парусе было вышито интерпретация Зари Сансы: лев лениво зевал, глядя вверх на звездное поле; его язык свисал из пасти, почти по-собачьи, глаза были полузакрытые от встречного ветра.

Пусть он посмеется над этим, подумала она с широкой улыбкой. Она почти забыла это маленькое творческое вмешательство в любимый проект Джоффри.

Джоффри возмущенно фыркнул от увиденного, однако выражение оскорбленного достоинства быстро переросло в откровенный триумф и искренние крики радости, когда Кливер вздулся, усиливая скорость; Солнечный едва не летел над линией воды, продолжая ускоряться. Каждая встречная волна заставляла его подпрыгивать в воздухе, и Санса почувствовала, как желудок проваливается вниз, каждый раз, как они врезались в воду с огромными взрывами соленых брызг. Они довольно быстро обогнали болтливых дельфинов; ветры несли их на юг, хоть кормчий и не имел определенного плана относительно курса.

Катамаран как будто парил над водой, а Санса с восторгом смотрела на постоянные радуги, которые появлялись между брызгами с обеих сторон корпусов. Радуги сразу поглощались морем и вскоре окончательно исчезнут, когда кораблик замедлится... но сегодня, сейчас, она вместе с мужем словно летела на спинах тех радуг.

Санса подошла обратно к рулю, крепко обняла Джоффри и поцеловала его. Он сопротивлялся изо всех сил, и дальше держа румпель одной рукой, а другой охватил ее голову, углубляя поцелуй так сильно, как только мог. Санса наслаждалась вкусом, ощущая соль и легонький намек на сладкое манго.

Она потерялась посреди того вкуса, охватив его голову обеими руками. Джоффри принадлежал ей до последнего, и ни человек, ни закон, ни какая-то космическая сила не сможет забрать его у нее.

Санса прервала поцелуй, ощутив присутствие многих существ высоко в небесах. Она взглянула вверх и увидела десятки, сотни птиц над Солнечным; красные, синее-зеленые и оранжевые цвета скрывали солнце, когда очередная большая стая островных птиц мигрировала на юг, спасаясь от морозов. Птицы щебетали и гомонили, пели и высвистывали, отдельные почти касались парусов, пролетая мимо корабля в разнообразии цветов.

- Да их там небось тысячи, - проговорила Санса в восторге.

- А самая красивая из них всех приземлилась прямо сюда. Как мне повезло, - сказал Джоффри, проводя рукой по перьевому плащу, прежде чем коснуться кожи и продолжить движение. Санса глубоко вздохнула, опершись на него, когда Солнечный прорезал очередную волну. Она села ему на колени, обвив руками торс, потрогала крепкие мышцы и поцеловала снова. В новой позиции это получилось значительно приятнее.

- Самая красивая и храбрая из них всех, - прошептал Джоффри, когда его губы соскользнули с ее губ и спустились вниз по ее шее, заставляя девушку вздрогнуть.

- Свирепая, словно осенний шторм. Нежная, словно летний бриз.

- А ты улучшил умение в поэзии, - пробормотала она, закрывая глаза, обхватив его спину ладонями. Он ощущался, как шар тепла, излучая его наружу и отгоняя постепенно холодеющий ветерок.

- Сильная, как зимняя метель, хрупкая, словно новорожденная весна, - сказал он, изогнув шею и продолжив движение вниз. Санса тихо застонала, скользя пальцами по спине Джоффри и достигая талии.

Солнечный слегка качнулся на боковой волне, и девушка обратилась к Джоффри, достигая руками его брюк:

- Держи руки на румпеле, а я дальше справлюсь сама, - прошептала она ему на ухо, прежде чем легонько укусить.

После этого поэт словно онемел.

Сильные ветры, которые несли их вперед, исчезли вместе с ночью, и Летнее море казалось спокойным, словно чаша с молоком. Солнечный тихо дрейфовал по течению, паруса обмякли и обвисли. Джоффри и Санса лежали на середине плота, звезды служили им потолком.

Они лежали бок о бок, друг возле друга, почти касаясь лбами. Оба держали по половине фрукта, с желто-багровыми прожилками. Кожа плода ощущалась растрепанной, так словно она едва могла сдержать то, что лежало под ней.

Он вдохнул прохладный воздух, отводя взгляд от ярких звезд в небе, сосредоточившись на двух ярко-голубых огнях возле себя. Юноша коснулся щеки Сансы, чувствуя выступы скул большим пальцем. Это чувствовалось диаметрально противоположным тому фрукту: бледным и гладким.

Она всегда была красавицей. Традиционным цветком Талли, высоким и грациозным, а старковская кровь лишь добавляла ей определенной экзотики. Сейчас, под звездами, одетая в радугу перьев, где доминировало красное, в тон к ее рыжим волосам, ее красота казалась неземной. Как будто это какая-то мифическая сущность легла возле него, принося покой его встревоженной душе.

- Санса... если мы уже никогда не проснемся...

- Просто помолчи, - сказала она, нежно целуя его в губы.

Столько всего стоит сказать. О раскаянии и удовольствии. О чувствах и воспоминаниях. Как кто-то вообще может сказать последнее "прощай" второй половине собственной души?

- Я люблю тебя, - прошептал он.

- Я знаю, - сказала она. Столько всего стоит сказать, но какой простой ответ.

Она вместе съели по собственной половинке. Плод смерти имел горький вкус, однако не отвратительный. Он оставлял пряное послевкусие, напоминая сладкий имбирь. Джоффри взял обе ладони Сансы своими, пододвигаясь еще ближе, и скрестил ее руки между их грудями и коснулся Ее лба своим.

- Вместе, - сказал он.

- Вместе, - прошептала она в ответ.

Они просто лежали, вглядываясь в глаза, пока их дыхание постепенно стихало. Они еще ближе прижались, умирая; сердце юноши громко стучало, пока зрение затуманилось. Санса попыталась прижаться еще ближе, хотя они и уже были так близко, как это вообще возможно для двух человек. Они обнялись из последних сил, вздрагивая от холода, а Песня стала все громче, и веки Джоффри зажмурились.

Еще один раз. Пожалуйста, еще один раз. Это все, о чем я умоляю.

Он закрыл глаза на минуту, и наконец открыл их, осознав, что величественный звездный купол над ними сменился Пурпуром. Вместо звезд-созвездия фракталов пересекали его по всей длине, а отдаленная фигура светилась красным. Он ухватился за Сансу, когда задул ветер и Солнечный наклонился; потрескавшиеся Столбы поднимались из глубин океана, словно пробужденные морские монстры, вылепленные из нематериального вещества и Пурпура.

Они потянули их вверх с возрастающей скоростью, несмотря на то, что во время этого трескались и ломались от напора. Джоффри мог слышать, как Песня вибрирует; величественная река звуков, от которой душа трепетала, пока его сознание сосредоточилось на летнем утре много лет назад, где находился юный парень, невежда, который ничего не знает о внешнем мире и о последствиях своих действий.

Пурпур вздрагивал под давлением, песня запинаясь, пока Джоффри припоминал то ленивое утро: псы лаяли в отдалении, а другой Пес охранял его покои. Король Роберт с пустым взглядом готовился к охоте. Мирцелла шагала по коридору, потерянная в раздумьях. Бейлиш крутил свои махинации в кабинете, оперируя золотом и вызывая крах. Джейми, одетый в серебро и золото, стоял перед дверью и смотрел сквозь них, пока мамыны горничные молча расчесывали ее волосы.

Он был столбами, и столбы были им. Здесь уже не существовало физических барьеров, их души переплелись, как и было задумано при творении. Санса и Джофф, Джофф и Санса. Течение песни снова прервалось, столбы начали крошиться, пока они растворялись в пурпуре, и утро их перерождения уже ожидало вдалеке.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/61076/2004525>